

КОГДА НАСТУПАЕТ БУДУЩЕЕ? ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20 ВЕКА

И.В. Желтикова, канд. филос. наук, доцент
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
(Россия, г. Орел)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00256 А

Аннотация. В статье рассматривается образ будущего как целостная картина возможных миров, отражающая видение перспектив развития страны советскими гражданами послевоенного периода. Анализ разнообразных источников – от документов Коммунистической партии и Советского правительства до литературных произведений и мультфильмов – позволяет автору выделить и реконструировать коммунистический образ будущего и установить своеобразие его временной локализации.

Ключевые слова: образ будущего, социальные ожидания, возможное будущее, СССР, коммунизм.

Каждое общество имеет представления не только о своем прошлом и настоящем, но и о будущем. Эти представления выполняют стабилизирующие функции для социальных отношений и жизни общества в целом. С их помощью устанавливается связь между поколениями, обеспечивается историческое единство настоящего и национального прошлого, порождается ощущение неслучайности происходящего, продолжения его основных тенденций в будущее. Будущее присутствует в коллективном сознании в виде более или менее законченных картин – образов будущего. Целостность образа будущего позволяет представить не отдельные стороны развития социальной, политической, экономической, культурной сфер жизни общества, а саму жизнь в перспективе. Образ будущего отражает представления людей о возможных формах развития социума, в котором они живут, запечатлевает вероятные в будущем состояния. При этом образы будущего имеют собственные временные координаты: могут ожидаться в более или менее конкретных хронологических рамках или же срок их предполагаемого наступления может быть не определен.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению одного из образов будущего, функционирующего в нашей стране после Великой Отечественной войны, и попытаемся установить временную дистанцию,

отделяющую время формирования этих социальных ожиданий от времени их предполагаемой реализации.

Исходя из определения образа будущего как медианы социальных ожиданий, присутствующей в общественном сознании конкретного общества, мы считаем принципиально важным включить в поле анализа максимально разнообразные типы источников. К источникам, выступающим носителями образа будущего, относятся: правительственные документы и проекты, партийные программы и постановления, газетные и журнальные публикации, научные и научно-популярные издания, философские трактаты, художественная литература различных жанров, поэзия и публицистика, личные письма, дневники, воспоминания. Также применительно ко второй половине 20 века отражение образов будущего можно найти в социологических опросах, кинематографе, мультипликации.

Цель – проследить удаленность конкретной картины будущего от времени ее возникновения – другими исследователями, насколько нам известно, не ставилась, однако самый «заметный» образ будущего послевоенного периода, образ коммунистического будущего, исследован достаточно подробно. Именно поэтому мы выбрали коммунистическое будущее и его временную перспективу в качестве объекта исследования данной статьи. Образ бу-

дущего первого послевоенного десятилетия всесторонне изучен А.А. Фокиным в монографии «Коммунизм не за горами» [1]. Автор работает с широким кругом источников, главными из которых выступают партийные документы, публикации в центральной печати, литературные и публицистические произведения. Генеральный хозяйственный план 1951-1970 гг. явился объектом рассмотрения М.А. Симонова [2], проследившего развитие идей материального обеспечения перехода к коммунизму в период с 1948 по 1953 год. «Письма во власть», отражающие динамику отношения советских граждан к коммунистической перспективе, проанализированы в серии статей О.Д. Поповой [3, 4, 5]. Отражение светлого будущего в советском кинематографе и мультипликации рассмотрены в статьях С.Н. Еланской [6] и В.П. Васильевой [7] соответственно. Кроме работ, посвященных исследованию конкретных аспектов видения будущего, или определенных типов источников, интерес для нас представляют исследования повседневной жизни и взглядов советских людей в интересующий нас период: такие, как монографии П. Вайля и А. Гениса [8], реконструкция общественных, в том числе оппозиционных, настроений указанного периода в исследованиях Ю.В. Аксютинина [9], А.И. Лушина [10], Я.М. Боковой [11]. Отдельно в этом ряду работ хотелось бы отметить четырехтомный труд Б.А. Грушина [12], посвященный анализу социологических исследований общественного сознания граждан Советского Союза и России.

Коммунистический образ будущего – это достаточно обобщенное название для социальных ожиданий, присутствующих в русской культуре в 19-20 веках и связанных с наступлением совершенного общественного устройства, построенного на принципе всеобщей справедливости. В 80-е годы 19 века в России впервые картины будущего начали испытывать на себе влияние идей Маркса о завершающей формации развития человеческой истории. На рубеже веков коммунистическое будущее было одним из самых популярных вариантов социальных преобразований, на

первый план в нем выступало отсутствие частной собственности, эксплуатации, нивелирование социальных различий и уравнительное распределение продукции. Хотя наступление совершенного общественного строя уходило в отдаленную перспективу, начало преобразований ожидалось в ближайшем будущем.

В первые послереволюционные годы коммунистический образ будущего наполнился утопической экспрессией – это был не столько проект, сколько мечта, неслучайно одним из его выразителей становится поэзия, а ключевым лозунгом – мировая революция. Начало мирового обновления планировалось немедленно, наступление самого бесклассового общества ожидалось в перспективе нескольких десятилетий. Образ коммунистического будущего 20-40-х гг. 20 века представлял собой менее экзальтированную и более рационализированную картину строительства коммунизма в отдельно взятой стране в условиях вражеского капиталистического окружения. Для видения перспективы этого времени важен момент перестройки социальных отношений на принципах коллективизма, который можно встретить в градостроительных проектах с домами-коммунами, комбинатами питания, масштабными яслями-садами-школами, пролетарской поэзии и прозе, в образе человека будущего как «колесика и винтика» гигантской индустриальной машины. В этом варианте коммунизм отодвигался, по меньшей мере, на полвека, и актуально живущие поколения строили светлое будущее для своих детей и внуков.

Коммунистический образ будущего 50-80-х гг. с одной стороны сохранил преемственность обозначенным установкам, с другой – приобрел весьма заметные отличия. Первым отличием коммунистического образа будущего послевоенного времени выступает его обращенность к конкретному человеку, а не коллективу. В картинах будущего акцентируются различные стороны повседневной жизни и коммунизм предстает действительно «светлым», удобным и безопасным будущим. Второе отличие касается временной удаленности, пожалуй, впервые в россий-

ской истории коммунизм предстает не неопределенно удаленной перспективой, а вполне конкретной двадцатилетней границей.

Большинство исследователей коммунистического образа будущего считают, что основные его черты намечаются партией и правительством, транслируются средствами массовой информации и уже в таком виде утверждаются в сознании граждан. Первым правительственным наброском коммунистического будущего в послевоенное время можно считать проект Генерального хозяйственного плана, разрабатываемый особым отделом Госплана СССР. С 1948 года под руководством Н.А. Вознесенского, а после его отставки, М.З. Сабурова, продолжилась работа над Генеральным хозяйственным планом развития СССР, начатая еще в 1941 году. Основной целью этого документа являлось экономическое обеспечение построения в СССР полного коммунистического общества. Свообразным толчком к его разработке послужила речь И.В. Сталина от 9 февраля 1946 года. Как следует из документа, сроки подготовки экономической базы к переходу советского общества к коммунизму определялись в перспективе двадцати лет. Хотя проект Генерального хозяйственного плана 1951-1970 гг. так и не был завершен, а работы над ним прекратились в 1953 году в связи расформированием отдела перспективного планирования, многие ключевые идеи легли в основу III программы КПСС. Генеральный хозяйственный план предполагал увеличение объема валового выпуска продукции с 1951 по 1970 гг. в 3,5 раз, ставил задачи превзойти уровень производства товаров на душу населения в капиталистических странах, укрепить технико-экономическую независимость СССР, что должно было позволить осуществить программу преобразования социалистического общества в коммунистическое [2, с.30-34].

При всей масштабности данного проекта, решающее влияние на формирование нового образа коммунистического будущего принадлежит все же не ему, а III программе КПСС [13], принятой на XXII съезде партии [14], ее предварительному

обсуждению в печати, трудовых коллективах, первичных партийных ячейках. В ней сохраняется намеченный в предыдущем проекте принципиально новый момент в видении коммунистического будущего – четкая временная локализация наступления светлого будущего. Как и в Генеральном плане, в Программе удаленность коммунизма составляет двадцать лет. Озвученная с партийной трибуны, представленная в официальной печати, эта идея превращала коммунизм из неясного, постоянно отодвигаемого горизонта в событие, достижимое в реальном времени. Еще большую реалистичность этой перспективе придавали промежуточные контрольные даты – вехи приближения к ней. Двадцатилетний срок позитивных социальных ожиданий позволил утверждать, что «уже нынешнее поколение советских граждан будет жить при коммунизме». В программе КПСС были обозначены три главные задачи, решить которые предстояло в отведенное до 1980 года время, – это 1) создание материально-технической базы коммунизма, 2) развитие коммунистических общественных отношений, 3) воспитание нового человека [14, с. 167].

Временная конкретизация наступления коммунистического будущего требовала уточнения и самого образа коммунизма, что и делалось в соответствующих документах. В III Программе партии коммунизм определялся как «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники...» [13, с. 2]. Главными параметрами коммунистического будущего в рассматриваемой программе выступали конкретные показатели развития производства: тонны выплавки стали, увеличение мощностей производства в тяжелой и легкой промышленности, конкретные цифры выработки сельскохозяйственной продукции, достижение определенных демографических показателей. Именно экономический рост и создание обозначенной материально-технической

базы должны были свидетельствовать о наступлении «коммунизма в основном», «когда удовлетворятся непосредственные запросы, материальные и духовные потребности первой необходимости» [15, с.194]; то, что в дальнейшем развитие общества будет продолжено, подразумевалось само собой.

При всей своей конкретности именно экономические показатели меньше всего влияли на образ коммунистического будущего. Гораздо более значимыми для него были «второстепенные», с точки зрения Программы, параметры, такие как: обеспечение граждан государства продовольствием с постоянным повышением его качества и количества, строительство жилья для каждой семьи, развитие городской инфраструктуры и увеличения в ней мест культурного досуга, способствующих саморазвитию и самореализации личности, сближение города и деревни, выражающееся в приближении сельских поселений к городским по уровню комфорта проживания, использование в сельском хозяйстве технических приспособлений, приближающих деревенский труд к промышленному производству, снижение различий в оплате и образе жизни рабочих, колхозников и интеллигенции, региональное перераспределение производства для выравнивания хозяйственных показателей союзных республик [13].

Следует согласиться с оценкой П. Вейлем и А. Генисом степени непосредственного знакомства советских граждан с первоисточником образа коммунистического будущего: «Программу КПСС читали немногие. О восприятии ее следует говорить, имея в виду пересказ текста – то есть то, что осталось в сознании после бесконечного бормотания по радио и телевидению, заклинаний в лозунгах и газетах» [8, с. 29]. Учитывая степень идеологизированности советского общества, можно быть уверенными, что такие официальные каналы трансляции образа коммунистического будущего, как пресса, радио и телевидение, передавали его основные параметры с минимальным искажением, но уже в более развернутом виде, неоднократно подчеркивая скорые сроки его наступления. Цен-

тральные газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Крестьянка», «Работница», журналы «Коммунист», «Агитатор», «Вопросы истории КПСС» соединяли идеологически выверенные статьи, раскрывающие отдельные стороны коммунистического будущего с письмами читателей, излагающих собственное видение светлого будущего. С 1961 года на радио стали выходить передачи, целью которых стала популяризация приближающегося общества. Сами их названия – «Здравствуй, будущее», «У великого рубежа», «Коммунизм – наше лучезарное завтра», «Единой семьей к единой цели» – показывают не столько информационный, сколько пропагандистский их характер. Сказанное можно отнести и к таким телепередачам, как «Коммунизм – прямое продолжение социализма», «Труд при коммунизме», «Каждому по потребностям – коммунистический принцип распределения» [1, с.92-94].

О.Д. Попова считает, что «письма граждан во власть» – в ЦК КПСС, Совет министров, лично товарищу Н.С. Хрущеву и другим членам политбюро – «четко демонстрируют, что коммунизм как образ будущего в 60-е годы формировался под влиянием пропаганды и сложившихся противоречий в жизни советского общества» [5, с.845]. В то же время анализ «писем во власть», обращений в журналы и газеты, дневников и воспоминаний, показывает вариативность представлений коммунистического будущего советскими гражданами. «Художники-модернисты усмотрели в параграфах Программы разрешение свободы творчества. Академисты и консерваторы – отвержение антигуманистических тенденций в искусстве. Молодые прозаики взяли на вооружение пристальное внимание к духовному миру человека. Столпы соцреализма – укрепление незыблемых догм. Перед любителями рок-н-ролла открывались государственные границы. Перед приверженцами «Камаринской» – бездны патриотизма. Руководители нового типа находили в Программе простор для инициативы. Сталинские директора – призывы к усилению дисциплины. Аграрии-западники разглядели зарю прогрессивно-

го землепользования. Колхозные мракобе-сы – дальнейшее обобществление земли. Прогрессивное офицерство опиралось на модернизацию военной техники» [8, с.24]. В своих письмах женщины выражали пожелание учитывать рожденных и воспитанных детей в общий трудовой стаж, рабочие считали необходимым установить потолок в оплате труда для работников творческих профессий, крестьяне выступали против дачных участков и мелкобуржуазных торговцев сельхоз продукцией [5, с. 844].

Фокин в своей монографии обобщает частные представления коммунизма советскими гражданами в несколько подтипов. Первый – «аскетический коммунизм» – ориентирован на уравнивательные тенденции более ранних вариантов видения коммунистической перспективы. Второй – «потребительский» коммунизм – подчеркивал множество бесплатных благ, доступ к которым будет у всех граждан страны. Третий – объединял скептические настроения, от сомнения в сроках наступления коммунизма до сомнения в его принципиальной возможности [1, с. 122-123]. Определенную динамику отношения населения к коммунистическому будущему фиксирует Попова, сравнивая содержание и характер писем 60-х и 70-х годов. В последних чувствуется возмущение авторов обманутыми надеждами, неисполненными обещаниями, отсутствием реального движения к коммунизму, несовпадением социальной реальности и деклараций. Сам тон писем свидетельствует о дистанцировании населения от партийного руководства, потери доверия к нему [4]. Однако Попова признает, что «все возмущения касались именно конкретной власти, а не самой идеи строительства коммунизма» [3, с. 133].

Обобщая анализ писем и воспоминаний советских граждан, можно заметить, что по мере удаления от момента провозглашения двадцатилетнего переходного периода к коммунизму степень доверия к исполнению обещаний уменьшалась. Если, по заключению Фокина, в 60-е годы, вплоть до их конца, достаточно большое число респондентов действительно надея-

лись жить в светлом будущем, а скептики, по большей части, сомневались в выполнении всего комплекса «коммунистических обещаний», рассчитывая при этом на «частичное» их выполнение, то к середине 70-х годов, как следует из анализа Поповой, образ коммунизма выступает скорее идеалом, к которому можно и должно стремиться, с которым следует сравнивать далекую от него действительность, чем как реальная перспектива. На основании работы Лушина [10] можно заключить, что к 80-м годам образ коммунистического будущего заметно теряет и актуальность, и приверженцев, слабеет и постепенно к 90-м годам уходит из общественного сознания советского человека.

Интересный аспект исследования коммунистического завтра затрагивает С.Н. Еланская, стремящаяся проследить, как ожидание светлого будущего нашло отражение в кинематографе. Особый интерес данный очерк имеет потому, что автор нарочито избегает анализа фантастических фильмов, в которых герои из далекого будущего «бороздят просторы Вселенной». При всем достоинстве данных лент, мы склонны рассматривать их скорее в рамках образа космического, чем коммунистического будущего. Еланская же останавливается на кинофильмах, отражающих повседневную жизнь ее современников, таких лент, как: «9 дней одного года» (реж. М. Ромм, 1961), «Прощайте, голуби!» (реж. Я. Сегель, 1966), «Шумный день» (реж. Г. Натансон, 1960), и показывает, как их герои с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее. В этих картинах нет пафосных размышлений о необходимости четным трудом приближать великое будущее, но само поведение героев, их диалоги демонстрируют перспективный оптимизм. Автор приходит к выводу о том, что «вера в светлое будущее, причем, совсем недалекое была прочна» и базировалась она на чувстве надежности жизни, ее правильности [6, с. 177]. Собственно, подобных лент, героями которых выступают простые советские люди со своими малыми и большими проблемами, лент, наполненных светлым чувством уверенности в завтрашнем дне, можно назвать гораздо

больше: «Девчата» (реж. Ю. Чулюкин, 1961), «Я шагаю по Москве» (реж. Г. Данелия, 1964), «Дети Дон-Кихота» (реж. Е. Карелов, 1966), «Офицеры» (реж. В. Роговой, 1971), «Большая перемена» (реж. А. Коренев, 1972), «Когда я стану великаном» (реж. И. Туманян, 1979), «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979), «Влюблен по собственному желанию» (реж. С. Микаэлян, 1982) и многие другие. В них передается или создается ощущение надежности мира, малого и большого социума, надежды на светлое и прекрасное будущее. Конечно, можно сказать, что подобные фильмы стали результатом прямых рекомендаций советским кинематографистам «Быть активными помощниками партии в воспитании человека эпохи коммунизма», транслируемых, например, журналом «Искусство кино» (1962. №2, с. 1) [7, с. 105], однако мы склонны полагать, что творческие коллективы, работающие над художественными фильмами, отражали и собственное видение будущего.

Рассмотрение образа коммунистического будущего послевоенного Советского Союза мы, вслед за предшественниками, начали с правительственных текстов как главного источника интересующих нас идей. Также мы по умолчанию приняли заключение о решающем влиянии именно идеологического программирования содержания образа будущего, функционирующего в массовом сознании. Однако обращение к литературным «портретам» коммунизма обнаруживает, что в художественных и публицистических текстах эта тема поднималась задолго до пресловутого XXII съезда КПСС.

Одна из самых ярких картин коммунистического будущего была создана Иваном Ефремовым в романе-эпопее «Туманность Андромеды», создаваемом в 1955-1956 годах и увидевшим свет в журнальном варианте в 1957 году. В романе, а также его продолжении «Час быка» и «Глаз змеи» (1963-1968), Ефремов порывает с фантастикой «ближнего прицела» и переносит действие в 3234 год. Таким образом, время действия космически приключений, разворачивающихся на фоне

небывалого, счастливого общества отстоит от читателя на 1300 лет, и это учитывая то, что автор «приблизил» происходящее по сравнению с первоначальным вариантом. Несмотря на такую удаленность, общество будущего в романе описывается со всеми подробностями, начиная от особенностей социальной структуры и гендерных ролей, до развития искусства и форм проведения досуга. Еще одним показательным в плане описания коммунистического будущего романом является «Гость из бездны» Г. Мартынова. Это, по нашему мнению, необоснованно забытое произведение было начато автором в 1951 году и десять лет «пролежало в столе». Его героя реанимируют через 18 веков после захоронения и вместе с техническими чудесами будущего он сталкивается с психологической проблемой адаптации в социально совершенном мире. В научно-художественных очерках М. Васильева «Репортаж из XXI века», изданных в 1958 году, как следует из названия, действие происходит в следующем веке и сосредотачивается на достижениях в различных областях науки. В романах 60-х годов, написанных, казалось бы, уже после обозначения горизонта будущего, авторы продолжают изображать значительную временную перспективу. Два века временной дистанции закладываются Стругацкими в роман с серией зарисовок о будущем «Полдень, XXII век». Неопределенное, но очень далекое будущее описывается С. Гущевым в романе «Мы из Солнечной системы».

Учитывая развитие образа коммунистического будущего в советской литературе, мы можем сделать поправку к изначальному утверждению о доминировании партийных документов и официальной пропаганды в деле создания образа будущего 60-80-х годов. Правильнее будет говорить все же о разделяемых большинством общества социальных ожиданиях, которые актуализируются после победы в мировой войне и развиваются как на государственном, так и на индивидуальном уровне. Причем образ коммунистического будущего, на наш взгляд, следует рассматривать в длительной временной перспективе, и представления о приближении коммунизма 60-х го-

дов интерпретировать в качестве одного из этапов развития данного типа социальных ожиданий.

В этой статье на примере коммунистического образа будущего мы попытались проследить временное изменение горизонта будущего. Даже на таком относительно небольшом промежутке времени, с которым мы работали, было отмечено, что удаленность будущего может восприниматься по-разному – в масштабах жизни одного поколения, двух-трех поколений, неопределенной удаленности. Ближе всего коммунистическое будущее ощущалось в революционное десятилетие и после XXII съезда КПСС. Если факторы, «приближающие» будущее в первом случае, еще требуют исследования, то относительно рассматриваемого периода мы видим причины такого сокращения перспективы в относительной стабильности социума и устойчивых тенденциях его развития. 60-е годы 20 века ознаменованы для Советского Союза целым рядом событий, способствующих положительной самооценке тогдашнего социума. Восстановление хозяйства после разрушительнейшей войны, из которой советский народ вышел победителем, успешное противостояние Западу в холодной войне, успехи космической программы, второе место после США в создании и испытании ядерного оружия – все это создавало ощущение правильности социалистического пути развития, возможности добиться на нем новых успехов и, в целом, надежности и уверенности в завтрашнем дне. Именно это, на наш взгляд, позволило не только Коммунистической партии и Советскому правительству провозгласить двадцатилетний срок строительства коммунизма, но и заставило поверить в него значительную часть совет-

ского народа. Позитивный образ будущего сродни мечте, а распространяем ли мы эту мечту на свое будущее или будущее потомков зависит от окружающей социальной реальности.

С литературным запечатлением образа коммунистического будущего складывается несколько иная ситуация. В художественных произведениях время, разделяющее настоящее читателя и героев будущего, как правило, неопределенно длительно. Говоря неопределенно, мы имеем в виду срок, превышающий лично обозримое будущее, то, в котором не может очутиться ни читатель, ни его дети, ни внуки, ни прапраправнуки. Мы думаем, что это происходит по двум причинам. Во-первых, потому что писатели при создании своих произведений работают с глубинными, архетипическими слоями коллективного сознания, которые консервативны и слабо подвержены влиянию текущие событий. Во-вторых, писатели, изображая неопределенно далекое будущее, гарантируют свободу полета своей фантазии. Тем примечательнее для нас, что фантазия эта располагается в поле общих социальных ожиданий.

Анализ источников и исследовательской литературы позволяет нам предположить функционирование в интересующий нас период не одного, а четырех образов будущего. Кроме рассмотренного в этой статье коммунистического образа будущего, в общественном сознании советских граждан присутствовали также образ будущего покорения космоса, образ будущей мировой войны и альтернативный образ будущего. Анализ этих социальных ожиданий мы надеемся посвятить следующие наши работы.

Библиографический список

1. *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х годов. М., 2017.
2. *Симонов М.А.* Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951-1970 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 27-35.
3. *Попова О.Д.* "Правительство живет при коммунизме, а мы в нищенстве...": мысли и думы советского народа накануне 50-летия октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127-135.

4. Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 72–81.
5. Попова О.Д. Образ коммунистического будущего глазами советских людей (по материалам «писем во власть» в 50-60 годы XX века) // В сборнике: Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы Материалы 15-й Международной конференции. 2018. С. 842-846.
6. Еланская С.Н. «Будущее светло и прекрасно»: логика надежды в советском кино // Будущее как сюжет: Статьи и материалы. Тверь, 2014. С. 170-179.
7. Васильева В.П. Профессиональные дискуссии начала 1960-х годов об основных задачах советской анимации на пути к коммунистическому будущему (по материалам журнала «Искусство кино») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т.16. № 8. С.104-113.
8. Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 1998.
9. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004.
10. Лушин А. И. Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов. СПб., 2011.
11. Бокова Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х — первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования: материалы III Международной научной конференции (г. Казань, май 2015 г.). Казань, 2015. С. 41–45.
12. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. М., 2001.
13. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М., 1961.
14. XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет: В 3 т. М., 1962.
15. Фокин А.А. Прошлое, настоящее и будущее как элемент советской действительности 1960-1970-х гг. // Будущее как сюжет: Статьи и материалы. Тверь: Издательство Марины Бутасовой, 2014. С. 186-202.

WHEN DOES THE FUTURE COME? IMAGES OF THE FUTURE OF RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

I.V. Zheltikova, *candidate of philosophy, associate professor*
Orel state university named after I.S. Turgenev
(Russia, Orel)

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00256 A

Abstract. *The article is devoted to the image of the future as an integral picture of possible worlds, which is reflected the vision of the prospects of the development of the country by Soviet citizens of the post-war period. The analysis of various sources, from documents of the Communist Party and the Soviet government to literary works and cartoons, allows the author to identify and reconstruct the communist image of the future and to establish the identity of his temporary localization.*

Keywords: *image of the future, social expectations, possible future, the USSR, communism.*